

*Случайных совпадений нет:
в мире ничего не происходит просто так,
будьте внимательны к знакам.*

Часть первая

РОМАНТИЧНАЯ СКАЗКА

Глава 1

Отпуск в Ницце

Тиходонск, наши дни

Бойся своих желаний — они могут исполниться.

Французская поговорка

В бухгалтерии «Картонки» — бывшей картонажной фабрики, мутировавшей в новые времена во второсортный офисно-коммерческий центр, все выглядело, как десятки лет назад. Те же обшарпанные столы, те же расшатанные стулья, те же облупленные канцелярские шкафы, и один железный ящик, громко именуемый сейфом. Старые калькуляторы, допотопный компьютер с треснувшим корпусом монитора, а на подоконнике еще лежал музейный экспонат — счеты, которыми до недавнего времени пользовалась Нинванна.

Нельзя сказать, что работа кипела, наоборот, шла ни шатко, ни валко — в такт перманентному лаю бестолковой дворняжки Турбо во дворе. Все ждали прихода Наташки. Опаздывала она не больше обычного, но во взглядах бухгалтерш, время от времени бросаемых на обшарпанную входную дверь, читалось досадливое: «Да где же она шляется, эта Аренда?» Даже Алена, которая открыто Наташку недолюбливала и которая придумала ей обидное прозвище, намекающее на сдачу за вознаграждение во временное пользование собственного тела, даже она проявляла признаки нетерпения. Собственно, так было всегда. Но сегодня, по крайней мере, для томительного ожидания был вроде, как повод. Только Кире все это было безразлично — и похождения Наташки, и проверка графика отпусков. Она составляла отчет об оплате арендаторами левого крыла: автомастерская исполняла дого-

вор исправно, сосисочная тоже, хотя и нарушала сроки, а вот цветочный магазин, тир и парикмахерская уже имели задолженность, и это не шло ни в какие ворота, потому что могло сказаться на ее премии.

А для остальных формальным поводом нетерпеливого ожидания Наташки было то, что с утра пораньше, Нинванна, по привычке вечного профорга, затеялась сверять очередность отпусков.

— Давайте-ка, девочки, уточним кто когда. Во избежание. А то мало ли...

Что «мало ли», она не уточняла, по наипростейшей причине — сама не знала, что такого чрезвычайного может вдруг произойти в их тихом омуте. Но многозначительно постучала пальцем по лежащей на столе таблице.

— Так что давайте, выкладывайте — кто куда. Да и по срокам уточняйте, если что поменялось...

Нине Ивановне исполнилось пятьдесят семь. Грузная, седая, вечно растрепанная, в мешковатом растянутом платье, она выглядела старухой. Затеяла она свою сверку не только из досужего любопытства: кто и как собрался отгуливать законный отпуск. Ей нравилось имитировать собственную значимость: мол, того, кто не укатит на моря, и планирует париться в городе или на огороде, можно в случае необходимости и на работу, как репку из грядки, выдернуть. Так уж было заведено испокон веков — точнее, со времен советской власти, когда и сложился костяк здешнего коллектива. Нина Ивановна любила рассказывать, как в начале восьмидесятых, когда один за другим уходили из жизни Генеральные секретари — тогдашние цари СССР, вдруг понадобилось срочно изготовить корочки для каких-то партийных удостоверений. Немедленно объявили аврал, отозвали всех из отпусков, работали сверхурочно, без сна и отдыха, причем не в конторе, а в цеху, но ответственное задание выполнили! Потому и надо всегда быть начеку, в полной боевой готовности, если вдруг понадобится!

— Да кому мы, на фиг, понадобится? — Алена усмехнулась. — Тогда одни времена были, а сейчас другие!

— Одни, другие... — пробурчала Нина Ивановна. — А расслабляться нельзя! Вдруг опять шиномонтажку сожгут?

— Да это девяносто восьмой год, чего ты вспоминаешь, как девкой была! — вмешалась главбух Татьяна Витальевна. Она была помоложе лет на пять, закрашивала седину, пользовалась косметикой и делала укладку, да и за модой следила по мере возможностей, а потому разительно отличалась от старшей товарки и выглядела, как еще вполне себе ничего деловая женщина, правда, склонная к полноте. Но это не мешало ей решать вопросы с налоговой, ОБЭП, пожарниками и прочими контролирующими инстанциями, а также с рекламщиками и журналистами. Несмотря на разительную разницу во внешности, по ментальности она мало отличалась от Нины Ивановны, ибо обе они вышли из советского кадрового инкубатора и являлись «костяком» коллектива, в отличие от «молодежи», которая пользовалась калькуляторами своих мобильных телефонов и не знала, что такое субботник.

— Ладно, Таня, не цепляйся, — ответила Нинванна. — Вдруг найдется арендатор на освободившиеся площади в правом крыле! Кому суесться, документы составлять, согласовывать?

— Какой арендатор летом! Ты чего, Нина!

— Так что, не заниматься согласованием? — оскорбленно поджала губы профорганизатор.

— Почему? Занимайся. Но без фанатизма. А то Николай Всеволодович живо твой профсоюз прикроет...

Упоминание имени владельца «Картонки» действовало, как ушат холодной воды.

— Итак, подаю пример, — снова окрепшим голосом продолжила Нинванна. — Я иду по графику и снова буду на даче. Спиногрызов-то мне опять на все лето приправят, больше некуда... Дочка с зятем, может быть, на пару недель куда-нибудь в Анапу или Крым вырвутся. Ну а мне морковку полоть, клубнику поливать, да за внуками присматривать. Одним словом, крутись бабка, до пенсии далеко! Мой-то Василий в этом не особенно помогает...

Спиногрызами она называла внуков шести и восьми лет, которые вертели ею, как хотели. Кире это слово не нравилось — в ее представлении бабушка должна называть любимых внуков более ласково. Если они, конечно, любимые. Да и дачи никакой у старшей товарки не было — обычный сад на

шести сотках, с завалухой без удобств. Можно считать, что и отпуска у нее нет, если понимать под отпуском красивую и яркую передышку от рутины и монотонности повседневного бытия...

— Я тоже никуда не поеду, — сообщила Татьяна Витальевна. — Дома дел накопилось выше крыши. Вот все и переделаю, отосплюсь, телевизор посмотрю вволю. Там все самое интересное поздно ночью показывают, а утром на работу не надо будет вскакивать! Может, со Степаном Михалычем в кино сходим...

«И у нее нет отпуска», — отметила Кира.

— А я к брату намылилась, во Владивосток, — вздохнула тощая Алена, которая своим внешним видом полностью подтверждала справедливость поговорки: «Худая корова еще не газель...» Вдобавок она всегда выглядела недовольной, потому что уголки губ были опущены книзу, даже если она улыбалась. Ей вот-вот стукнет сорок, но выглядела она постарше, может, потому, что замужем никогда не была и давно махнула на себя рукой.

— Брат там дом строит, надо помочь. За строителями последить, кашеварить, то да се...

«И у этой то же самое!»

— Значит, все идут по графику! — удовлетворенно подвела итог Нинванна. И бросила взгляд на пожелтевшую, в потеках краски и трещинах входную дверь. И другие женщины смотрели туда же. Планы Киры никого не интересовали: коллеги знали, что у нее тоже будет не отпуск, а привычная серость бытия. Все с надеждой ждали Наташку, которая должна разбавить низкобюджетное отпускное уныние.

«Вот ведь странно, — удивлялась Кира. Ей было двадцать пять, и она представляла новое поколение, но под влиянием окружения ничем не выделялась на неухоженной бухгалтерской клумбе. — За глаза костерят на чем свет, называют Арендой, а понимают же: скука смертная без нее. Ждут, как дети сказку...»

Наташкины сказки, правда, были не для детей: из серии «про любовффы», причем сплошь со знаком «18++». Но для конторских теток, бесповоротно запущенных, и по мужской части обделенных даже при наличии супругов, эта щеко-

чушая откровенность играла роль витаминов для матросов средневековых галеонов и каравелл, которым угрожала цинга в многомесячном плавании. Надо признаться, что и Кира с интересом слушала Наташку, которая хотя и была младше ее на три года, но выделялась среди остальных, как яркая алая роза на пожухлой клумбе.

— Слышь, Кирка, ну что, за тобой еще мужики следят? — вдруг спросила Алена.

Кира не отвечала.

— Может, они все в тебя влюбились? Вот и ходят табунами следом. Сейчас начнут цветами забрасывать, подарки дарить...

— Отстань, — огрызнулась Кира.

В бухгалтерии воцарилась тишина, но все думали об одном, и предмет этих раздумий вдруг выдала Нинванна.

— Да, девчонки! — Она оторвалась от графика отпусков и хлопнула себя по лбу. — Совсем забыла! Я же в субботу Аренду встретила в аптеке!

— Небось, презервативы покупала? — с издевкой спросила Алена.

— Нет, как приличная, мазь какую-то. Анальная смазка называется. Видно приболела...

Алена взвизгнула и дико расхохоталась, сложившись, как перочинный ножик, и упав лицом на стол. Кира глянула удивленно, Нинванна и Тамара Витальевна недоуменно переглянулись.

— Что ты хохочешь? — подняла брови главбух. — Что смешного? Лекарство покупала, ну и что? Анальная — это какая?

Алена билась в истерике, одной рукой держась за живот, а второй колотя по столу.

— А-а-а-на... Ана-а-а-льная — эт-т-т-о для зад-ни-цы, — с трудом выговорила она и выскочила из комнаты. Теперь ее хохот раздавался в коридоре.

Старейшины бухгалтерии снова переглянулись.

— Может, у нее геморрой? — спросила Нинванна. — У меня тоже после родов...

«А вы ей туда загляните», — чуть не сказала Кира, но удержала мысль, не дав ей превратиться в слова. Все-таки, это

было удивительно. Четыре разновозрастные работницы бухгалтерии обнищавшей картонажной фабрики вот уже четвертый год подряд, с момента появления Наташки, начинали день с того, что выслушивали очередной рассказ о ее похождениях — сосредоточенно и увлеченно. Симптомы напоминали маниакальную привязанность к любимому сериалу. Как-то раз во время ее рассказа включилась пожарная сирена — слушательницы не пошевелились. Татьяна Витальевна лишь пожала пышными плечами: «Учебная...»

Тревога действительно оказалась учебной, но после того случая Кира окончательно перестала удивляться обостренному интересу коллег к Наташкиным откровениям: они помогали заполнить пустоту собственных среднестатистических жизней, протекавших в стандартных квартирках, в решении стандартных проблем, со стандартными, как ни крути, перспективами. Предугадать, с какой историей заявится поутру Наташка, было невозможно. Однажды, вытянув руку с ухоженными ногтями, продемонстрировала сослуживицам оттопыренный мизинец с бриллиантовым кольцом:

— Козлик подарил. Сказал, что я — Мадонна... С размером вот не угадал. Только на мизинец и налезло. И не расширить, камень может выпасть...

Козликом прозывался низкорослый толстячок с выпученными глазами, который таскался за Наташкой на почтительном расстоянии добрую неделю, прежде чем решился подойти познакомиться. А познакомившись, дней десять фанатично обожествлял избранницу, подрывая семейный (да, да, Козлик оказался женатым) бюджет, — после чего, уличенный женой в адюльтере, печально канул в Лету, оставив прощальную записку в стихах, которые Наташка и зачитала в конторе, прыская со смеху и жеманно закатывая глаза: «Я буду вечно вспоминать жару полуночных объятий».

— Ну, это он того... поэтически приврал, — уверенно комментировала Наташка. — Обошлось без допуска к телу. Обняла его разочек на прощание, после кабака. Вот и вся жара!

— Ясное дело! — саркастически подыграла Алена. — Не на ту напал, охламон!

— Поэтическая натура! — понимающе кивала святая простота Татьяна Витальевна. — Мне на первом курсе, помню, тоже писал один. Соловьем заливался...

В другой раз зареванная, с дрожащим подбородком, Наташка выставила на обозрение охающим товаркам лиловый фингал, на время затмивший сияние левого глаза:

— Это Сеня. Сказал, что я шлюха! Не так на его друзей смотрела...

Тогдашний ее Сеня был обладателем налитых боксерской силой железных кулаков и настолько взрывного нрава, что Наташка вздохнула с большим облегчением, когда его посадили за пьяную драку с разгромом придорожного кафе. А когда объявили приговор, и оказалось, что Сеня ближайшие три года проведет за решеткой, Наташка угостила бухгалтерию шампанским с шоколадными конфетами.

— Эх, жаль, на лабутены не успела раскрутить, — без особой горечи посетовала она. — Зажал, бычара!

— Что за лабутены? — спросила Нинванна.

— Самые модные туфли. С красной подошвой. Крутые — от тысячи долларов... Сенька пропивал больше. Козлик, конечно, мог купить, но он быстро сдулся...

— Они у тебя все «сдуваются», — ядовито усмехнулась Алена.

— Ничего, мужики уходят, а сапожки остаются! Просто с Сенькой я не доработала...

— Да зачем они тебе так нужны, эти лабутены? — удивилась Нинванна. — У тебя же и туфли хорошие есть, и платья... Да и наверстаешь, какие твои годы!

— Вот именно, — поддакнула Татьяна Витальевна. — Еще успеешь — купишь... Ну, или подарят...

В ответном взгляде Наташки мелькнуло нечто такое, что смешалась и Нинванна, и остальные дамы почувствовали себя полными дурами.

— Да затем, что все в жизни снашивается, — снисходительно объяснила Наташка. — И туфли, и платья, и моя... краса неземная! Так что надо сейчас впрок запастись, потом уже не получится!

Шампанское выпили, конфеты съели, за Наташку пораздавались, стали расходиться. Размалинившись от выпивки,

Наташка подседа к Кире и сообщила ей голосом проникновенным и бархатистым, каким давние подруги говорят о сокровенном:

— Дура ты набитая, девушка!

От этого зачина — от удивления, что Наташка, которая говорит «ложить» и «хорошее кофе» — может называть ее дурой, Кира огорошено притихла, и последующие поучения слушала молча, не шелохнувшись. И слушая, все примеряла на себя сказанное: «Дура... дура».

— Ну, эти наши клуши понятно — сошли с круга: на двух мяса в два раза больше, чем надо, на одной — в два раза меньше. Да и старые уже... А ты молодая, с фигуркой, тебя приодеть, намарафетить — будешь классной телкой! — напористо говорила Наташка, для убедительности выразительно артикулируя пухлыми губами. — Что ж ты прозябаешь? Неужели парня найти трудно? Нормального. Чтобы и при деньгах, и не жмот, и по этому делу подходящий!

Она согнула руку в локте, сжала кулак, и выразительно подмигнула.

— А то я смотрю, что ты голодная ходишь — так быстро увянешь, состаришься, а жизни и не узнаешь!

— Почему голодная? Я нормально питаюсь! — робко возразила Кира, но Наташка так расхохоталась, что она тут же поняла свою ошибку и несколько смутилась. В этом советчица была права.

— Нормальный парень тебя быстро накормит досыта, — выговорила сквозь смех Наташка. — Не то, что этот твой, как его, ботан для выгула...

Под ботаном для выгула подразумевался Коляшка, друг детства. Собранные в хвост невымытые волосы, растянутые майки с черепами, близоруко сощуренные глаза — носить очки Коляшка стеснялся. Математик. Теория вероятностей, похоже, заменяла ему и личную жизнь, и пятничные пьянки с друзьями. Они с Кирой иногда встречались, прогуливались по бульвару, беседовали на возвышенные темы — музыка, литература, театр. В кафе, конечно, не заходили, да и никуда не заходили — денег у Коляшки не водилось. Кира считала, что это в порядке вещей — и безденежье, и прогулки с беседами.

Но Наташка как-то встретила их, расспросила и, подкатив глаза, только покачала головой:

— Ну, и дурра! Нашла кавалера...

— Он, между прочим, талантливый математик, — пыталась возвысить Коляшку, и в определенной мере себя, Кира. — Недавно даже кандидатскую защитил!

— А что толку? — скривилась Наташка. — Тебе-то что с его талантов?

И вот сейчас вспомнила, даже смеяться перестала, и сморщилась брезгливо: наверно, представила Коляшку.

— Приведи себя в порядок и дуй в приличный клуб. Танцевать умеешь? Внутри мартини, в руках бикини, — напела она. — И не забывай: чтобы сесть мужику на шею, нужно раздвинуть ноги! Но с разбором: если каждому давать — поломается кровать... Вначале поводи его на леске, как мой папа-рыбак сазанов, да лещей по выходным вываживает, а потом, когда он к твоей сумочке привыкнет, крути им, как хочешь!

— У меня одна сумочка, чего к ней привыкать? — робко поинтересовалась Кира.

Наташка снова цинично захохотала.

— Вот к этой сумочке, — она так энергично ткнула пальцем Кире в лобок, что та отодвинулась. — Вот к этой! Привык — и ты его хозяйка!

— Пряма-таки хозяйка? — усомнилась Кира. — А если он повернется и уйдет?

— Один уйдет — другой придет! — замахала руками Наташка. — Они вокруг толпами кружатся, как пчелы вокруг меда. Вот когда козлик сделал финт ушами, я стала думать, куда пойти половить... А не успела даже с работы выйти, как из мойки «Гелик» выезжает, остановился рядом: «Садитесь, девушка, подвезу!»

— Это кто — Гелик?

— «Гелендваген» — джип такой, мерседесовский, а сидел в нем Сенька... Вот и нашлась замена! Я подумать не успела, а он уже тут, как тут... Жалко, только, что такой дурболай оказался — все кулаками размахивал...

Кира только головой покачала. Она совершенно не представляла, как ее со всех сторон вдруг начнут атаковать мужчины, желающие, чтобы она ими «крутила, как хочет». Тем

более что никогда такого не было. Да и вообще, Наташкину аллегорию она видела по-другому: не пчелы кружатся вокруг меда, а жирные зеленые мухи вокруг... Ну, ясно, вокруг чего. Интеллигентная девушка даже мысленно не станет уточнять... Но с другой стороны, Наташка-то знает, что говорит — опыт у нее богатый! Хотя, у каждого свой опыт...

Она тяжело вздохнула.

— Ну, что молчишь? Пошли сегодня в «Цепи» или «Панораму»? Познакомимся, то-се... Вместе оно и спокойней. Идем, угощаю, если что. Ну, чего? Нет? Эх, дура ты, Кирка, дура! Тогда я сама пошла — мне девчонки одно новое «рыбное» место подсказали...

Один раз Наташка повела ее в салон «Мир ногтей», где делала маникюр, педикюр, наращивание, — словом все! Но увидев прејскурант Кира оттуда быстро ретировалась: мол, как обходилась своими силами, так и дальше обойдусь! Но она была впечатлительной натурой, и ночью ей приснился страшный мир: ногти, повсюду ногти! Они хрустят под ногами, возвышаются тут и там трехметровыми валунами, скальной грядой перекрывают горизонт, облаками плывут по небу, даже дождь тут идет острыми разноцветными обрезками ногтей... Кира проснулась с колотящимся сердцем и не могла заснуть до утра. А Наташка хвасталась свежим маникюром и насмешливо улыбалась...

«Интересно, куда она рванет на этот раз? — гадала Кира, высматривая ее в окно. — И с кем? Вроде бы, сейчас у нее Сергуня. А там как знать»...

Зимой был Любшин, чрезвычайно солидный на вид, из мелких чиновников. И Париж.

В самые ненастные декабрьские деньки, когда улицы утонули в снегопадах и ноги разъезжались в грязной каше из раскисшего снега и противогололедных смесей, Наташка ворвалась в бухгалтерию с новостью:

— Еду в Париж! На рождественские каникулы! Любшин сюрприз устроил! Говорит: увидеть Париж и умереть!

Сказала артистично, с выражением, и картинно сбросила на спинку стула неправдоподобно дорогую шубу, подаренную кем-то из бывших.

Любшин был, пожалуй, самым интеллигентным из Наташкиных воздыхателей. Зато и продержался возле нее совсем недолго, не больше месяца. Может быть, именно поэтому.

— Ничего! — философски сказала Наташка. — Сказки длинными не бывают!

Ей недели, проведенной «в реальном Париже», хватило на целый водопад воспоминаний:

— На Монмартре пили абсент... На Рю де ла Пэ смотрели канкан... Столица мира! Ой, девочки, а какие там шмотки! А телки, особенно в «Мулен Руж»!

Кира смотрела на Наташку, устремившую подернутый поволокой взгляд куда-то в «прекрасное далеко», как будто видела сквозь разваливающиеся от старости канцелярские шкафы и источенные грибком стены сияющую огнями Эйфелеву башню. Смотрела, и в который раз пыталась презирать смазливую двоечницу. И в который раз не получалось.

Тогда-то, под хвастливую болтовню Наташки, путавшей названия универмагов и кабаре, прохладную иронию в ее сердце окончательно вытеснила позорная зависть. Париж! Монмартр и Сена! Секре Ке и Нотр-Дам! В ушах пели скрипки и аккордеоны маленьких баров, открытых кафе, сияла огнями Эйфелева башня, кипела пузырьками в высоких бокалах «Вдова Клико» и звали, манили на неспешную прогулку узкие улочки старого Парижа...

Как же она хотела в Париж!

Полгода Наташка гремела цветными стекляшками банальных своих воспоминаний, вызывая в Кире приступы мрачного протеста: это она, ценительница французской литературы, знаток французского кино, — она должна была рассказывать им о Париже, своем Париже, по которому ходили героини Франсуазы Саган и Жоржа Сименона, который вдохновлял Мане и Родена. А вместо этого она вместе со всеми слушала про обалденные устрицы и огромную круглую кровать в гостинице с видом на какую-то площадь.

И вот очередное обострение — настала пора летних отпусков. Сейчас она придет и расскажет о своих умопомрачительных планах, которые затмят все ранее здесь сказанное, как «Вдова Клико» затмевает привычную пепси-колу...

Но вначале вернулась Алена. Она уже успокоилась, хотя, судя по влажному лицу, для этого ей пришлось умыться. Не глядя на товарок, села на свое место, начала перебирать накладные и отчеты. Все молчали, раздавался только шелест документов, да щелканье клавиш допотопного компьютера.

— Кир, а ты куда? — вдруг спросила Алена, очевидно просто для того, чтобы нарушить молчание. Она просунула пачку бумаг в здоровенный дырокол и приготовилась ударить по нему как следует: компостер был старый и тугой.

— Я? — очнулась Кира.

— Да. Собралась куда или дома отгуляешь? — подключилась Нинванна.

Так уж было угодно судьбе: именно в этот момент дверь привычно скрипнула и на пороге появилась Наташка. Ничего не скажешь, зверской красоты девчонка. Блондинка с голубыми глазами. Высокая, длинноногая, пухлые, как у Анджелины Джоли, губы, небольшой римский нос, затейливый разноцветный маникюр. Легкое просторное платье наводило на мысль о Бегущей по волнам, или Летающей царевне, а может, просто намекало, на ее способность творить чудеса.

А что извилины в мозгах у Наташки такие же прямые, как ее ноги, так кого это интересует? Мужики любого возраста, семейного положения, цвета и сорта, прилеплялись к ней, будто она клеем намазана, стоило Наташке появиться без сопровождения в местах их естественного обитания. И до ее мозгов не было им никакого дела — тем более что собственные в девяти из десяти случаев они утрачивали при первом же визуальном контакте. А может, не имели их от рождения.

— Что уставились, как на привидение? — хищно усмехнулась Наташка. Эта усмешка и придавала ей сходство со зверем. Или, по крайней мере, с небольшим плотоядным зверьком, может, куницей. Ощувив болезненный укол зависти, Кира не глядя взяла со стола заколку, автоматическим жестом подобрала свисающую со лба прядь — утром снова поленилась возиться с прической — и то ли с кокетством, то ли с отчаянием тряхнула головой.

— В Ниццу собираюсь. На Лазурный Берег!

От неожиданности Алена грохнула дыроколом так, что из соседнего кабинета застучали в стену. Три женщины замерли

за своими столами. Стопы картонных папок с ботиночными тесемками, казалось, встали по стойке «смирно». Наташка у двери озадаченно оттопырила губу.

«Вот только ради этого момента стоило соврать», — подумала Кира, смакуя пьянящее мстительное удовлетворение.

Но тут же ее настигло жестокое похмелье. «Соврала! Вслух, принародно!» Обводя взглядом обалдевших коллег, Кира казнилась, как мученик Инквизиции. Разоблачительные насмешки она приняла бы с благодарностью. Извинения и оправдания уже готовы были сорваться с языка: «Простите, сама не знаю, вырвалось».

— На Лазурку?! — взвизгнула Наташка и помрачнела.

— Ки-ирка! — протянула Алена, с шумом выпустив воздух. — Ки-ирка! Ну, надо же! И молча-ала!

— Молодец, девка! — кивнула Татьяна Витальевна. Массивное тело начальницы заколыхалось, как бы одобряя и официально утверждая Кирины планы. — По Европам будет разъезжать. А чего ж, молодым везде у нас дорога — вон, Наталья тропинку уже проложила. Мы с моим Степаном, пока дочка не родилась, тоже каждый год в Эссенуки ездили. Сколько ж, интересно, твоя Ницца потянет-то? Копила, небось, не один год?

— Ну, Татьяна Витальевна! — скривилась Наташка. — Ну, разве уважающая себя телка... в смысле, женщина, поедет во Францию сама? В смысле, за свой счет?! Все ж понятно — Кирка подцепила на крючок икрыного осетра! Ну, колись, тихоня!

Наташка пронзила Киру таким взглядом, что та даже поехала.

— Лямур-тужур? Да? Солидный мужик?

Только Наташка была способна одним махом так правдоподобно развить ее опрометчивое вранье, и только Наташка могла так шаблонно при этом ошибаться. «Мужик»! Последний — впрочем, он же и первый — Кирин любовник скрылся с горизонта четыре года назад, оставив после себя горький вкус ночных слез и дрожь при воспоминании о больнице, где ее, казалось, резали на куски, выдирая руками в резиновых перчатках маленькое, нежное, так и не родившееся...